03/32
Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
2-й экз.

Запросы Жизни

Еженедѣльный вѣстникъ культуры и политики

№ 7. С.-Петербургъ. 17 февраля. 1912 г.

Библіотека „Образованіе“

СОДЕРЖАНІЕ:

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ. Издалека. II.

А. Ѳ. КОНИ, чл. Г. С. / М. М. КОВАЛЕВСКІЙ, чл. Г. С. — Права женщинъ по наслѣдованію.

Н. ПЕТРОВИЧЪ. Дѣло партіи „Дашнакцутюнъ“.

Ст. ИВАНОВИЧЪ. Дворянская самозащита.

За недѣлю: **К. М. Оберучевъ**. Новый уставъ о воинской повинности. — Государственная Дума. — Государственный Совѣтъ. — **Ст. Ив.** Въ борьбѣ съ рабочимъ движеніемъ.—Такъ нельзя... **Л. З. Слонимскій.** Международныя дѣла. — **Е.** Всеобщая стачка англійскихъ углекоповъ.—Хроника.

ВИКТОРЪ ВАЛЬТЕРЪ. Александръ Порфирьевичъ Бородинъ.

Техническое обозрѣніе: **П. Ю. Шмидтъ**. Успѣхи техники въ 1911 г.

Журналъ Журналовъ: **Л. Шейнисъ**. (Французскіе журналы: «Revue des Deux Mondes», «Revue», «Thyrse», «Parthénon»).—Записная книжка Боделера.

Письмо въ редакцію.

Списокъ книгъ, поступившихъ для отзыва.

Издалека.

II.

Недавно одна курсистка, описывая нѣкое литературное торжество и говоря о писателяхъ, сказала знаменательное слово:

„Мнѣ кажется—сказала она—что если-бы на этомъ собраніи всѣ писатели говорили одно слово „жалко“ — это было-бы все, что надо сказать. Мы всѣ жаждемъ, чтобы насъ пожалѣли глубоко, искренно, мнѣ кажется, всѣмъ стало-бы легче“.

„Жалко“,—это новое слово въ обиходѣ русской молодежи, и, пожалуй, его можно было-бы принять за обмолвку, да курсистка говоритъ отъ лица многихъ, а сельскій учитель, съ другого конца Россіи, откликается ей:

„Какъ будто омертвѣли всѣ, и никому никого не жаль“.

Юноша самоубійца оставляетъ записку:

„Я долго думалъ,—что́ можно пожалѣть въ жизни и ничего не нашелъ. Если меня никому не жаль, чего мнѣ жалѣть“.

Не юность ли творила жизнь у насъ на Руси? Еще такъ недавно восхищались ея героизмомъ, весенней красотою ея души. Никогда у насъ не „жалѣли“ молодежь, и сама она, видимо, не ощущала потребности въ состраданіи къ ней; до сего дня она вступала въ жизнь мужественно, съ великимъ, дѣйственнымъ состраданіемъ къ людямъ, съ пламенной страстью побороть въ мірѣ его старую гнилую неправду, ради торжества той новой правды, которая рождалась въ немъ вмѣстѣ съ нею и которую юность несла въ сердцѣ своемъ, какъ свой даръ жизни.

И если она теперь говоритъ о „жалости“— она говоритъ объ этомъ послѣ того, какъ у нея изъ подъ ногъ выбили всѣ точки опоры, спутали предъ нею всѣ тропы, проложенныя къ правдѣ; послѣ того, какъ она пережила

9754

Библіотека „Образова...

Журналъ журналовъ.

Французскіе журналы.

(«Revue des Deux Mondes», «Revue», «Thyrse», «Parthénon»).

Вліяніе русскаго романа на французскую беллетристику.

Избраніе въ члены французской Академіи поэта и романиста Анри де Ренье (Henri de Regnier) воскресило въ печати и въ публикѣ интересъ къ личности и произведеніямъ его предшественника, Мельхіора де Вогюэ. Покойный пріобрѣлъ довольно громкую извѣстность не столько своими повѣстями и романами, сколько критическимъ очеркомъ „о русскомъ романѣ", вышедшимъ въ свѣтъ въ 1883 году и явившимся для французской публики — въ тѣ времена очень мало знакомой съ русскою и вообще съ иностранною литературою — своего рода откровеніемъ. Въ „Revue des Deux Mondes" 15-го января, Поль Бурже посвятилъ жизни и литературной дѣятельности автора „Le roman russe" обширную статью (Paul Bourget: Eugene-Melchior de Vogüé), въ которой онъ, между прочимъ, разсказываетъ о первой своей встрѣчѣ съ покойнымъ писателемъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Уже тогда Мельхіоръ де Вогюэ, говоря о роли, которую, по его мнѣнію, призвана была играть литература въ возрожденіи Франціи послѣ франко-прусской войны, съ энтузіазмомъ называлъ имена Толстого и Достоевскаго. Поль Бурже зналъ того и другого писателя черезъ Тургенева, съ которымъ онъ сталкивался иногда у знаменитаго литературнаго критика Тэна. Благородное безпристрастіе, съ какимъ старый русскій романистъ отдавалъ должную справедливость своимъ болѣе молодымъ соперникамъ, осталось однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній молодости Поля Бурже. Но—замѣчаетъ французскій писатель— Тургеневъ, котораго занимала, главнымъ образомъ, эстетическая точка зрѣнія, раскрывалъ передъ нами только оригинальный повѣствовательный геній Достоевскаго и Толстого. У него былъ культъ романа: всю будущность современной литературы онъ видѣлъ въ романѣ, и детали техники страстно увлекали его. Въ Толстомъ онъ восторгался замѣчательнымъ даромъ воплощенія, въ Достоевскомъ — той психологической атмосферой, которой этотъ послѣдній окружалъ дѣйствующихъ лицъ своихъ произведеній. У Мельхіора де Вогюэ,—въ то время, по крайней мѣрѣ,—не было такихъ чисто литературныхъ, профессіональныхъ интересовъ. Его всецѣло захватывала духовная ширь русскихъ романовъ, передъ которою французскій натурализмъ той эпохи казался ему жалкимъ. Де Вогюэ ставилъ въ упрекъ французскимъ романистамъ—и не только однимъ романистамъ, но также драматическимъ писателямъ, критикамъ, поэтамъ и хроникерамъ — оскудѣніе внутренней жизни и узость интеллектуальнаго горизонта. Онъ полагалъ, что французская литература увядала именно потому, что она не освѣжалась у живительныхъ источниковъ, представляемыхъ національной чувствительностью, съ одной стороны, и высшей культурой, съ другой. Гоголь, Толстой, Достоевскій сумѣли пріобщиться къ народной душѣ, Тургеневъ сумѣлъ ассимилировать то, что было для него интереснаго въ Германіи, Франціи, Италіи и Англіи. Тотъ и другіе обогатили духовную сокровищницу родной страны именно потому, что они были не только литераторами, но прежде всего живыми людьми, писавшими для живыхъ людей.

Съ этимъ отзывомъ Поля Бурже не безынтересно сопоставить мнѣніе, выраженное Анри де Ренье въ рѣчи, произнесенной имъ при его вступленіи въ академію и посвященной памяти его предшественника. Новоизбранный академикъ особенно подчеркнулъ то обстоятельство, что появленіе въ свѣтъ изслѣдованія Мельхіора де Вогюэ о русскомъ романѣ было въ полномъ смыслѣ слова литературнымъ событіемъ. Хотя Мериме уже раньше освѣдомилъ своихъ соотечественниковъ о томъ, что „подъ снѣгомъ степей кроется литературный кладъ", можно сказать, что въ общемъ русская литература оставалась, однако, совершенно неизвѣстною французамъ. Одинъ только Тургеневъ имѣлъ среди нихъ читателей, но, что касается Достоевскаго и Толстого, то ихъ открылъ для Франціи именно де Вогюэ. По мнѣнію Анри де Ренье, эта огромная заслуга автора „Le roman russe" пріобрѣтала еще большую цѣнность благодаря обстоятельствамъ, среди которыхъ происходило дѣло ознакомленія французской публики съ русской литературой. Мельхіоръ де Вогюэ не только призывалъ французовъ воспользоваться богатымъ психологическимъ опытомъ Достоевскаго и Толстого, ихъ тонкимъ пониманіемъ человѣческой души, но еще сумѣлъ показать, черезъ благотворное посредство русскихъ писателей, что кризисъ, переживаемый въ то время французской беллетристикой, не безъ исхода: свирѣпствовавшему тогда во Франціи узкому и мелочному натурализму русскіе писатели противопоставили идеализированный реализмъ, охранявшій при наблюденіи дѣйствительности права поэзіи. Это вмѣшательство русскихъ романистовъ пришло на помощь тогдашнему мо-

лодому поколѣнію, прилагавшему всѣ усилія, чтобы ускользнуть изъ-подъ властной и тяжелой руки Эмиля Зола и освободиться также отъ изысканныхъ оковъ поэтической школы, представители которой именовались „парнасцами". Уже намѣчавшаяся противъ этого двойного владычества реакція почерпнула въ русскомъ романѣ новыя силы, и именно къ этому моменту относится, по мнѣнію Анри де Ренье, начало идеалистическаго и психологическаго возрожденія французскаго романа и новыя, часто удачныя исканія символистовъ.

Мнѣніе французскаго критика о современной русской беллетристикѣ.

Въ „Revue" (бывшій „Revue des Revues") 15-го января Л. Вернонъ знакомитъ французскихъ читателей съ выдающимися явленіями современной русской литературной жизни (L. Vernon: La vie littéraire en Russie). Авторъ останавливается прежде всего на мрачномъ, деморализующемъ пессимизмѣ, охватившемъ русское литературное творчество вслѣдъ за крушеніемъ надеждъ, вызванныхъ освободительнымъ движеніемъ. Правда, въ русской литературѣ полоса разочарованія и упадка духа не разъ уже смѣняла дѣйственное настроеніе протеста и возмущенія. Но на этотъ разъ кризисъ длился слишкомъ долго: духъ отрицанія и разочарованности принималъ по-истинѣ заразительный характеръ... Однако, этотъ тяжелый кошмаръ начинаетъ разсѣиваться: въ умахъ, уставшихъ бродить въ потемкахъ, совершается реакція, вполнѣ логическая и неизбѣжная. Эта реакція замѣчается не только у критиковъ и у публики, но и въ средѣ самихъ писателей, она все болѣе и болѣе усиливается, и есть основаніе думать, что, она будетъ достаточно прочной, хотя пока полный подъемъ индивидуальной и коллективной энергіи еще далеко не достигнутъ.

Были, однако, писатели, которые и въ это смутное время сумѣли освободиться отъ ига доминирующихъ тенденцій, и чье творчество развивалось въ иной, болѣе свѣтлой атмосферѣ. Среди такихъ—правда, немногочисленныхъ—писателей, одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ занимаетъ, по мнѣнію Вернона, Борисъ Зайцевъ. Въ первомъ сборникѣ разсказовъ этого писателя, появившемся въ 1906 году, еще чувствовалось вліяніе Андреева: авторъ „Тихихъ Зорь" охотно писалъ полутонами; таинственный рокъ полновластно царилъ надъ судьбами міра, гдѣ все подчинялось желѣзному закону необходимости... Но вскорѣ писатель начинаетъ видѣть дѣйствительность подъ другимъ угломъ, и это даетъ себя рѣзко чувствовать уже во второмъ сборникѣ его разсказовъ, вышедшемъ въ 1909 году.

Съ большой симпатіей авторъ разбираемой статьи останавливается на книгѣ Михаила Сивачева „Прокрустово ложе", спѣша, однако, заявить, что интересъ, возбуждаемый этимъ произведеніемъ, зависитъ не отъ его литературныхъ достоинствъ. Нѣтъ, но „эти наивныя, искреннія, полныя отчаянія и часто трогательныя страницы бросаютъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя стороны современной русской жизни". Напомнивъ о главныхъ традиціяхъ „хожденія въ народъ", Вернонъ замѣчаетъ, что въ наши дни въ Россіи, какъ и вездѣ, происходитъ движеніе въ обратномъ направленіи: выходцы изъ народа стремятся въ ряды интеллигенціи. Литература болѣе, чѣмъ какое бы то ни было поприще, привлекаетъ пролетарія, мечтающаго войти равноправнымъ членомъ въ міръ интеллигенціи. Авторъ приписываетъ это предпочтительное тяготѣніе къ литературѣ двумъ причинамъ: во-первыхъ, обаятельному вліянію славы, достигнутой Максимомъ Горькимъ, и, во-вторыхъ, вѣрѣ начинающаго писателя въ то, что призванія и таланта, которые онъ предполагаетъ въ себѣ, вполнѣ достаточно для завоеванія успѣха на литературномъ поприщѣ. Однако, за недостаткомъ должной подготовки, рвущійся къ литературной дѣятельности пролетарій терпитъ на каждомъ шагу разочарованія и неудачи, виною которыхъ онъ считаетъ недоброжелательное къ нему отношеніе, обрушиваясь съ горькими упреками на ту интеллигенцію, въ ряды коей онъ такъ страстно стремится. Отдавая должное глубокой искренности, которою проникнута автобіографія Михаила Сивачева, непосредственной жизненной правдѣ этихъ записокъ „человѣка изъ народа", пытавшагося, по его собственному выраженію, „перекинуть мостикъ" черезъ отдѣлявшую его отъ интеллигенціи пропасть, Вернонъ, тѣмъ не менѣе, находитъ, что враждебное настроеніе автора „Прокрустова ложа" къ интеллигенціи производитъ тяжелое впечатлѣніе: въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, интеллигенція кажется критику заслуживающею иного отношенія. И именно въ этомъ смыслѣ книга Сивачева представляется ему достойною особаго вниманія, какъ одно изъ отраженій, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчающагося и очень характернаго умственнаго настроенія.

Останавливаясь затѣмъ на основныхъ мотивахъ „Двухъ Жизней" гр. Ал. Н. Толстого, авторъ не отрицаетъ, что въ новомъ произведеніи молодого писателя очень много производящихъ сильное впечатлѣніе и мастерски написанныхъ картинъ, но онъ полагаетъ, что вообще творчество этого писателя много выиграло бы отъ болѣе глубокаго, болѣе вдумчиваго отношенія къ изображаемымъ явленіямъ жизни.

Въ заключеніе Вернонъ упоминаетъ о „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" и объ „Антологіи", выпущенной книгоиздательствомъ „Мусагетъ".

Библиотека „Образованіе"

Представленные въ „Антологіи“ поэты, по его мнѣнію, повторяютъ прискорбную ошибку, въ которой, быть-можетъ, начинаютъ теперь раскаиваться нѣкоторые изъ группировавшихся вокругъ „Скорпіона“ первыхъ насадителей символизма въ Россіи: вѣрные формулѣ чистаго искусства, „искусства для искусства“, основатели русскаго символизма мало-по-малу замкнули свое творчество въ черезчуръ узкія рамки: теряя всякую связь съ живой дѣйствительностью, они стали давать произведенія, которыя, несмотря на всѣ тонкости техники, не могли вызывать въ читателѣ глубокаго интереса—отъ нихъ вѣяло холодомъ и безжизненностью. Молодыхъ поэтовъ „Антологіи“ печальный опытъ ихъ предшественниковъ какъ будто ничему не научилъ. Почти всѣ они въ высокой степени владѣютъ техникою стиха, и многіе изъ нихъ обладаютъ несомнѣннымъ талантомъ, но, всецѣло поглощенные изображеніемъ своихъ душевныхъ настроеній, они слишкомъ часто удаляются отъ жизни, воображая, что они—выше жизни...

Метерлинкъ и Гюйо.

Творчество Метерлинка продолжаетъ оставаться неистощимой темой для текущей литературы. Въ прошломъ нашемъ обзорѣ мы познакомили читателя съ интереснымъ этюдомъ Люсьена Мори, посвященномъ оцѣнкѣ автора „Монны Ванны“. Не менѣе интересно будетъ привести здѣсь отвѣтъ, присланный извѣстнымъ французскимъ философомъ Альфредомъ Фулье журналу „Le Thyrse“, предпринявшему литературную анкету о Метерлинкѣ. Фулье особенно подчеркиваетъ то значительное вліяніе, которое оказалъ на складъ мыслей и даже на стиль Метерлинка безвременно погибшій философъ Маркъ Гюйо. Моралистъ-поэтъ, написавшій „Sagesse et Destinée“ и „Le Temple enseveli“, неоднократно и самъ цитируетъ съ глубокой симпатіей и восхищеніемъ философа-поэта, которому мы обязаны „Иррелигіозностью будущаго“ и „Очеркомъ морали безъ долга и санкціи“. Какъ и Гюйо, Метерлинкъ пытался примирить самыя смѣлыя воззрѣнія философіи и науки съ наиболѣе современной моралью. Подобно автору „Искусства съ соціологической точки зрѣнія“, Метерлинкъ внесъ во французскую прозу поэзію души или, вѣрнѣе, музыку души, обогативъ, такимъ образомъ, новыми нотами чудесный, но еще слишкомъ пластическій языкъ Шатобріана, Виктора Гюго, Флобера, Зола. Подобно Гюйо, Метерлинкъ придалъ самымъ отвлеченнымъ идеямъ подвижную и трогающую сердце форму чувства. Помимо того, авторъ „Синей птицы“ окружилъ эти идеи атмосферой полутоновъ, которая, наряду съ мыслями совершенно ясными, заставляетъ насъ улавливать мысли болѣе или менѣе смутно намѣченныя, подсознательное, всю ту скрытую въ глубинѣ жизнь, гдѣ наше *я* живетъ міровой жизнью. Этими сторонами своего творчества Метерлинкъ представляетъ изъ себя символиста и идеалиста — этимъ именно онъ долженъ быть, по мнѣнію Фулье, особенно дорогъ философамъ.

Женщины и драматическое искусство.

На страницахъ журнала „Le Parthénon“ ведется анкета на тему: „Почему среди писательницъ такъ мало драматурговъ?“ Изъ присланныхъ отвѣтовъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія отвѣтъ Ромэна Роллана (Romain Rolland), одного изъ самыхъ видныхъ представителей современной французской беллетристики. Авторъ „Jean Christophe“ полагаетъ, что самая постановка вопроса—ошибочна: она исходитъ отъ предпосылки, истинность которой подлежитъ весьма большимъ сомнѣніямъ. Женщины находятся на зарѣ новой эры, и было бы преждевременно рѣшать, что онѣ—не драматурги или что онѣ не могутъ быть таковыми. Къ тому же,—спрашиваетъ Ромэнъ Ролланъ,—почему мы будемъ судить о женскомъ движеніи, имѣя въ виду исключительно писательницъ-француженокъ? Не оспаривая несомнѣннаго таланта этихъ послѣднихъ, мы должны признать, однако, что онѣ представляютъ только часть современной женской мысли и женскаго искусства. Скандинавскія англосаксонскія, германскія и латинскія страны изобилуютъ женской литературой, носящей совершенно иной характеръ, чѣмъ соотвѣтствующая французская литература: если чувство стиля тамъ, вообще говоря, менѣе сильно развито и менѣе утончено, чѣмъ у французскихъ писательницъ, зато у этихъ иностранныхъ писательницъ, быть можетъ, больше творческой энергіи. Среди нихъ не трудно найти и драматическихъ писательницъ. Съ особенно горячей похвалой Ромэнъ Ролланъ отзывается о драмѣ Граціи Деледды (Grazia Deledda) „Odio vince amore“ („Ненависть побѣждаетъ любовь“), которая, по его мнѣнію, можетъ сравниться съ самыми лучшими пьесами итальянскаго репертуара. Да и не выходя изъ предѣловъ Франціи, можно остановиться хотя бы на недавнемъ примѣрѣ г-жи Ленерю (M-lle Lenéru), пьеса которой, поставленная Антуаномъ въ театрѣ Одеонъ, была встрѣчена очень сочувственно. Ромэнъ Ролланъ убѣжденъ, что женщины могутъ постепенно завоевать всѣ области литературы.

Вокругъ военнаго шпіонства.

Тревожное состояніе политическаго горизонта Европы придаетъ интересъ современности предпринятой „Revue“ анкетѣ о воен-

номъ шпіонствѣ. Редакція этого журнала обратилась къ выдающимся писателямъ и мыслителямъ Франціи съ тремя слѣдующими вопросами: „что Вы думаете о шпіонствѣ? Полагаете-ли, что оно необходимо для безопасности государствъ? Не желательно-ли, чтобы оно было уничтожено путемъ международнаго соглашенія?“ Какъ и слѣдовало ожидать, большинство отвѣтовъ (собранныхъ въ „Revue“ 15 января) осуждаетъ шпіонство. Такъ, напр., Анатоль Леруа-Болье, авторъ извѣстной книги о Россіи („L'Empire des Tsars et les Russes“), заявляетъ, что шпіонство представляетъ, несомнѣнно, одно изъ позорныхъ явленій нашего времени, рискующее въ извѣстные моменты стать опасностью для внѣшняго и внутренняго мира страны. Въ томъ же смыслѣ, а иногда даже въ тѣхъ же словахъ, высказываются знаменитый историкъ Габріель Моно, романистъ Поль Маргериттъ, извѣстные представители пассифизма—сенаторъ д'Эстурнель-де-Констанъ, профессоръ Шарль Рише и пр. Но мнѣнія значительно расходятся, когда рѣчь заходитъ о цѣлесообразности военнаго шпіонства. Такъ д'Эстурнель-де-Констанъ считаетъ шпіонство въ мирное время безполезнымъ и недостойнымъ цивилизованной націи, но въ случаѣ войны оно, по его мнѣнію, является неизбѣжнымъ пополненіемъ актовъ вторженія и, тѣмъ болѣе, защиты: пока мы живемъ на положеніи вооруженнаго мира, было бы наивно думать объ уничтоженіи шпіонства, такъ какъ было бы слишкомъ нелогично содержать огромныя арміи и въ то же время лишать себя способовъ информаціи. Философъ Альфредъ Фулье, протестуя противъ постыдствъ (les ignominies) международной морали, тѣмъ не менѣе полагаетъ, что при существующихъ отношеніяхъ, когда, перефразируя извѣстное изрѣченіе Гоббеса, можно съ полнымъ правомъ сказать „populus populo lupus“, шпіонство является неизбѣжнымъ зломъ. Напротивъ, извѣстный ученый Мишель Бреаль считаетъ это „наслѣдіе прошлаго“ потерявшимъ raison d'être: сколько-нибудь толковое и внимательное чтеніе иностранныхъ газетъ знакомитъ съ нѣкоторыми вещами не хуже, чѣмъ всѣ шпіоны, вмѣстѣ взятые; шпіонство — явленіе деморализующее, опасное и мало полезное. Поль Маргериттъ идетъ еще дальше: по его мнѣнію, шпіонство столь же постыдно, сколько и безполезно; въ наше время, когда печать и гласность пріобрѣли такое широкое значеніе, не остается мѣста для тайнъ. Проф. Шарль Рише не менѣе категорически осуждаетъ шпіонство со всѣхъ точекъ зрѣнія: въ этомъ нелѣпомъ, одинаково безчестномъ и безполезномъ обычаѣ онъ усматриваетъ только остатокъ варварства, который уже давнымъ-давно изчезъ бы, если бы надъ міромъ не царило тираническое господство рутины. Членъ французскаго института Фредерикъ Пасси находитъ, что, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ шпіонство и можетъ оказать кое-какія услуги, то въ общемъ предполагаемая этимъ обычаемъ практика обмана, подкупа и вѣроломства несетъ съ собою огромный вредъ и представляетъ опасный источникъ международныхъ конфликтовъ: пора было бы признать, что въ примѣненіи къ международнымъ, какъ и къ частнымъ отношеніямъ глубоко вѣренъ формулированный англичанами принципъ: honesty is the best policy (честность—наилучшая политика). Анатоль Леруа-Болье полагаетъ, что военному шпіонству вообще склонны придавать слишкомъ много значенія, тогда какъ, въ дѣйствительности, оно ведетъ не столько къ освѣдомленію правительствъ, содержащихъ шпіоновъ, сколько къ деморализаціи странъ, являющихся для шпіоновъ мѣстомъ дѣйствія—это было въ достаточной мѣрѣ обнаружено печальной памяти дѣломъ Дрейфуса. Съ особенно рѣзкою филиппикою противъ шпіонства выступилъ Фурньеръ, директоръ „Revue socialiste“: государственную мораль, допускающую шпіонство, онъ называетъ моралью дикой орды и преступныхъ сообществъ; шпіонство вноситъ фальшь въ международное публичное право и создаетъ отсталость націи по отношенію къ индивиду. Какъ всякій другой анахронизмъ, шпіонство безполезно. Національному характеру Франціи, по мнѣнію Фурньера, вполнѣ подобала-бы иниціатива международнаго соглашенія, которое дало-бы каждому правительству ту среднюю честность, какой оно требуетъ отъ каждаго изъ своихъ гражданъ. Замѣтимъ, къ тому-же, что большинство напечатанныхъ въ „Revue“ отвѣтовъ высказывается за желательность такого устраненія военнаго шпіонства путемъ международнаго договора. Но многіе считаютъ эту задачу совершенно неосуществимою при настоящемъ положеніи вещей и полагаютъ, что она тѣсно связана съ болѣе широкой и болѣе общей проблемой демилитаризаціи. Въ этомъ пунктѣ противники военнаго шпіонства сходятся, въ сущности, даже съ тѣми, кто еще вѣритъ въ цѣлесообразность этого обветшалаго остатка давно минувшихъ временъ. Такъ, литераторъ Эмиль Фагэ не сомнѣвается въ необходимости шпіонства для безопасности государствъ, потому что теперь война совершается въ мирное время путемъ техническихъ усовершенствованій военныхъ снарядовъ — необходимо, слѣдовательно, чтобы нація А постоянно была освѣдомлена о томъ, какъ дѣло обстоитъ въ этомъ отношеніи у націи В. Тѣмъ не менѣе, тотъ-же Фагэ безъ всякихъ колебаній признаетъ желательнымъ уничтоженіе шпіонства путемъ международнаго соглаше-

нія, но, замѣчаетъ онъ не безъ ироніи, когда подобнаго рода соглашеніе станетъ возможнымъ, „недурно было-бы воспользоваться случаемъ, чтобы уничтожить самую войну, что не будетъ болѣе трудно".

Парижъ.

Л. Шейнисъ.

Записная книжка Боделера.

„Быть величайшимъ изъ людей и повторять себѣ это каждую минуту".

„Имѣть 108,000 франковъ. 15-го августа 1865 года".

Эти двѣ фразы, записанныя Боделеромъ его нервнымъ, оригинальнымъ, крупнымъ, неровнымъ почеркомъ на страницѣ его записной книжки, говорятъ намъ о тѣхъ заботахъ, которыя владѣли имъ съ особенной силой—о жаждѣ славы и постояной нуждѣ въ деньгахъ.

Содержаніе книжки чисто личнаго характера. Въ нее Боделеръ заносилъ безъ всякаго разбора случайно приходившія ему на память замѣтки о встрѣчахъ и фактахъ повседневной жизни—напр., счетъ прачки, адреса женщинъ легкаго поведенія; эти адреса только что изданы въ формѣ изящной книжечки въ сотнѣ экземпляровъ фирмою Шеврель, съ предисловіемъ и примѣчаніями Фели Готье, но не поступили въ обращеніе. Подобно Эдгару По, Боделеръ дѣлалъ свои замѣтки на поляхъ журнала, газеты, летучаго листка. Его два сборника біографій: Fusées, Mon coeur mis á nu именно и были составлены изъ подобнаго рода замѣтокъ. Эти же журналы и газеты служили ему, наряду съ записными книжками, для замѣтокъ о его личныхъ впечатлѣніяхъ, планахъ. Н. Д. и А. Анселль, два поклонника поэта, сохранили одну изъ этихъ записныхъ книжекъ, въ зеленомъ коленкоровомъ переплетѣ, которую издатель и выпустилъ теперь въ свѣтъ, воспроизведя ее съ самой щепетильной точностью. Записи книжки начинаются съ конца 1861 г., т.-е. со времени, когда Боделеръ находился въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта. Однако, уже и тогда въ немъ наблюдались слабость и упадокъ воли; его одолѣвали самыя разнообразныя заботы, среди которыхъ забота о деньгахъ давала себѣ чувствовать съ особенной силой. „Если бы,—говорилъ онъ Пулэ-Малясси,—я не погружался съ головою въ работу, я бы погибъ!"

Подобно всѣмъ слабымъ натурамъ, Боделеръ работалъ не въ настоящемъ, а скорѣе въ будущемъ. Онъ проводилъ свое время въ составленіи проектовъ. Это, по выраженію Фели Готье, былъ настоящій похититель времени (un voleur des jours). На одной изъ страницъ своей книжки, напр., Боделеръ подробно расписываетъ свои заботы завтрашняго дня. Здѣсь почеркъ его совершенно твердъ и ясенъ: „Окончить книгу; пересмотрѣть три тома; написать драму; мое обнаженное сердце. Романы".

Конкретно это сводилось къ слѣдующей работѣ: „160 листовъ, 2,560 страницъ, 40,000 франковъ, 365 дней, 7 страницъ въ день".

Нѣсколько ниже сдѣлано умноженіе, для полученія произведенія въ 40,000 фр. — этой завѣтной цѣли его усилій. Боделеръ авансомъ продаетъ каждый свой листъ по 250 фр. Онъ продаетъ шкуру еще неубитаго медвѣдя!

А вотъ вслѣдъ за этими прекрасными проектами изсушающія душу заботы о нуждахъ текущаго обихода. На томъ же листкѣ книжки идетъ перечисленіе его долговъ — прачкѣ, сапожнику съ цифрой долга, поставленной противъ каждаго изъ нихъ. Сапожнику онъ записалъ сначала 10 франковъ, но потомъ, очевидно, вспомнивъ, перечеркнулъ эту цифру и написалъ новую—14 фр.

Слѣдующія страницы исписаны цифрами и различными замѣтками. Среди груды цифръ онъ вдругъ останавливается и обращается къ самому себѣ съ какимъ-нибудь убѣдительнымъ увѣщаніемъ, чтобы подбодрить себя и поддержать свою слабѣющую волю: „Спасеніе — въ удачномъ моментѣ. Спасеніе — въ деньгахъ, въ славѣ, въ обезпеченіи, въ жизни Жанны".

И, чтобы подвинуть себя на путь такого спасенія, онъ формулируетъ для себя слѣдующее повелительное правило:

„Молитва, воздержаніе, жизнь въ духѣ, трудъ, деньги, цѣломудріе, моя мать".

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе трогательное, чѣмъ его усилія къ усовершенствованію, къ внутреннему обновленію. Онъ самъ прекрасно сознавалъ, что прежде всего ему недоставало нравственной уравновѣшанности. Онъ судитъ, анализируетъ себя съ самой безпощадной откровенностью. Онъ дѣлаетъ смѣлую попытку вырваться изъ когтей своей жизненной обстановки, избавиться отъ своихъ слабостей. Но у него не хватаетъ ни выдержки, ни настойчивости. Онъ поднимается, но снова падаетъ побѣжденный.

Въ декабрѣ 1861 г. у него явилась странная идея баллотироваться во французскую академію. Разумѣется, его кандидатура была одна изъ самыхъ безнадежныхъ. Нѣкоторые изъ академиковъ заявляли, что они его не примутъ даже тогда, когда онъ явится къ нимъ съ традиціоннымъ визитомъ.

Боделеръ дѣлаетъ записи о необходимыхъ поѣздкахъ, о письмахъ, которыя ему нужно писать. Нѣкоторыя вначалѣ записанныя имена, потомъ вычеркнуты; это—имена Лапрада, Патэна, де-Виньи.

Въ записной книжкѣ мы находимъ крайне интересный набросокъ посвященія Petites